

Р.Ю. Почекаев

ТУРКМЕНЫ АХАЛ-ТЕКЕ И МЕРВА В КОНТЕКСТЕ ОТНОШЕНИЙ ПОГРАНИЧНЫХ АДМИНИСТРАЦИЙ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (1870–1880-е гг.)

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00162),
реализуемого в Институте языков и культур имени Льва Толстого*

Рассматривается проблема взаимодействия пограничных администраций Российской империи в процессе присоединения Средней Азии. На примере конфликта руководства Кавказского наместничества и Туркестанского края в отношении туркменских племен Восточного Прикаспия в 1870–1880-е гг. автор прослеживает, насколько подобные противоречия снижали эффективность среднеазиатской политики Российской империи в отдельные периоды времени.

Ключевые слова: Российская империя; присоединение Средней Азии; Туркмения; Хивинское ханство; протекторат; региональное управление.

В процессе присоединения Средней Азии к Российской империи в XIX в., как неоднократно обращали внимание исследователи, непосредственные его участники, т.е. руководители пограничных регионов и военачальники, нередко действовали по собственному усмотрению и вопреки политике центральных властей. Порой это имело положительные последствия, поскольку позволяло более оперативно принимать решения и учитывать среднеазиатские реалии, поэтому центральные власти нередко смотрели сквозь пальцы на самовольные действия региональных администраций. Но, с другой стороны, подобная позиция влекла неопределенность в статусе региональных администраторов и военачальников, причем не только в отношении центральных имперских властей, но и в отношении соседних регионов, также участвовавших в присоединении Средней Азии к России. В результате между региональными властями возникали конфликты, взаимные претензии по поводу вторжения в сферы влияния и пр., а следствием этих противоречий порой становилось ослабление российских позиций в том или ином среднеазиатском регионе. И если проблема противоречий между региональными администрациями и центральными властями Российской империи по поводу среднеазиатской политики исследуется специалистами, то противоречия региональных властей до сих пор не привлекали их внимания, что делает настоящее исследование актуальным. Эта тематика в последнее время находит отражение в специальных исследованиях, базирующихся на изучении правовых и актовых материалов об особенностях взаимоотношений региональных администраций, попытках центральных властей их разграничения и упорядочения [1–3]. Однако далеко не всегда эти попытки увенчались успехом – во многом из-за того, что столичные власти не всегда могли оперативно контролировать деятельность региональных и главным образом пограничных администраций, особенно если последние возглавляли статусные и амбициозные руководители.

Целью настоящей статьи является анализ этой проблемы на конкретном примере – конфликте администраций Кавказского наместничества и Туркестанского края по поводу контроля над туркменскими родами и племенами, проживавшими в оазисах Ахал-

Теке и Мерв, в середине 1870-х – начале 1880-х гг. Для достижения этой цели предполагается решить несколько задач. Первая из них – характеристика специфики политико-правового положения этих оазисов: юридически независимые от России туркменские племена в рассматриваемый период признавали сюзеренитет Хивинского ханства, являвшегося протекторатом Российской империи. Несмотря на то что история вхождения Туркмении в состав Российской империи достаточно широко изучена и имеет обширную историографию и факты пребывания хивинских наместников в Ахал-Теке и Мерве достаточно подробно описаны, в частности в трудах А.Н. Куропаткина, А.А. Семенова и М.Н. Тихомирова, этот политико-правовой казус, насколько нам известно, до сих пор специально не рассматривался, тем более в связи с проблемой противоречий российских региональных властей в Средней Азии. Второй задачей является выявление роли личностного фактора в формировании российской политики по отношению к туркменским оазисам, характеристика особенностей позиций и взаимоотношений Кавказского наместника вел. кн. Михаила Николаевича, туркестанских генерал-губернаторов К.П. фон Кауфмана и М.Г. Черняева, начальников Амударьинского и Закаспийского военных отделов, Закаспийской области. Наконец, третья задача – это анализ эффективности российской политики в отношении туркмен Ахал-Теке и Мерва в связи с вышеупомянутыми факторами.

Сведения о конфликте Кавказа и Туркестана, положениях самих туркмен Мерва и Ахал-Теке, отношения к ситуации центральных властей Российской империи и ханов Хивы содержатся в материалах официальной переписки руководителей имперских центральных и региональных органов власти и управления, посланиях хивинских монархов и туркменских родоплеменных предводителей российским властям, записки русских чиновников, побывавших в туркменских оазисах (в частности инженера и дипломата П.М. Лессара и военного чиновника М. Алиханова-Аварского), материалы аналитиков¹, а также иностранных путешественников и дипломатов, которые внимательно отслеживали ситуацию в регионе, стараясь выработать планы по укреплению в нем, соответственно, российского или британского влияния.

Конфликт между Кавказским наместничеством и Туркестанским генерал-губернаторством берет начало после Хивинского похода 1873 г., следствием которого и стало установление российского протектората над Хивой, фактически превратившее ханство в вассала Российской империи. В результате племена так называемой вольной Туркмении попали в сферу влияния Российской империи, причем как со стороны Кавказского наместничества, так и Туркестанского края. Ни один «раздел сфер влияния» не был официально закреплён какими-либо нормативными актами, обязательными для исполнения региональными администрациями, кроме того, во главе обоих регионов стояли весьма властные и энергичные руководители, которые в силу особого административного статуса и личных амбиций намеревались играть ведущую роль в интеграции Туркмении в состав Российской империи, не собираясь делиться славой друг с другом.

Кавказское наместничество с 1862 по 1881 г. возглавлял вел. кн. Михаил Николаевич, родной брат царствовавшего императора Александра II. Не только близкое родство с монархом, но и особые полномочия наместника, соединявшего всю полноту военной и гражданской власти на Кавказе, обусловили его активное участие в среднеазиатской политике, в том числе в Хивинском походе 1873 г. и последующем присоединении Туркмении². Туркестанский же край с 1867 по 1882 г. находился под управлением Константина Петровича фон Кауфмана, который хотя и не принадлежал к императорской фамилии, но пользовался покровительством Александра II и к тому же был наделен весьма широкими полномочиями как в самом Туркестане, так и в отношениях с соседними народами и государствами – неслучайно современные исследователи характеризуют его как «первого в истории российского “вице-короля”». С точки зрения личных качеств и наместник Кавказа, и туркестанский генерал-губернатор отличались решительностью и амбициозностью. Естественно, имея интерес к Туркмении, они не могли не вступить в конфликт, который привел к противоречивости российской политики в этом регионе и в конечном счете к снижению в нем российского влияния, тогда как хивинские власти и туркменские родоплеменные предводители, напротив, укрепили свои позиции.

Главным поводом для конфликта между Кавказом и Туркестаном стало вмешательство в туркменские дела Хивинского ханства, которое, как уже отмечалось, с 1873 г. стало протекторатом Российской империи, и контроль над ним относился к компетенции именно туркестанских властей в лице начальника Амударьинского военного отдела – новой административной единицы Туркестанского края, созданного на отторгнутых у Хивинского ханства территориях. Однако связи с туркменами Ахал-Теке и Мерва оказались в ведении появившегося тогда же Закаспийского военного отдела – административной единицы Кавказского наместничества. Несмотря на свой высокий статус и амбиции, К.П. фон Кауфман благоразумно не стал прибегать к прямому противостоянию с братом императора или пытаться воздействовать на центральные власти с целью пересмотра «сфер влияния»

Кавказа и Туркестана в регионе, а решил разыграть «хивинскую карту», тем более что участие Хивы в туркменских делах являлось давней традицией.

Ахалтекинские туркмены имели давние связи с Хивинским ханством и в середине XIX в. официально считались его подданными. В течение многих десятилетий и вплоть до российского похода на Хиву 1873 г. они являлись верными подданными и военными соратниками хивинских монархов, участвуя в походах даже против других туркменских родов и племен. Их предводители носили хивинские титулы и почетные звания на основании ханских ярлыков, получали регулярное жалование от ханов, вместе с собственными подданными спокойно перекочевывали в хивинские владения и обратно [4. С. 196, 200, 321, 337; 5. С. 17, 24]. Неудивительно, что именно в Ахал-Теке имел место первый из рассматриваемых нами казусов признания власти хивинского хана в середине 1870-х гг.

Что касается Мерва, его история отношений с Хивой была более сложной. В течение веков Мерв представлял собой весьма развитый в социально-экономическом отношении оазис с оседлым населением, которое лишь в последней четверти XVIII в. подверглось нападению бухарского эмира Шах-Мурада, разорившего и практически сравнявшего с землей древний город, уничтожившего всю хозяйственную инфраструктуру и переселившего почти всех местных в бухарские владения. На опустевшее место пришли кочевники-туркмены с племенем сарыков во главе, фактически основавшие новое поселение, в отличие от которого развалины прежнего получили название Старого Мерва [6. С. 11; 7. С. 83–84; 8. С. 279]. С начала XIX в. хивинские ханы стали совершать регулярные рейды на Мерв, стремясь подчинить его своей власти, и на короткое время им это удалось: в 1822–1827 гг. Мерв признавал власть Хивы, затем сарыки восстали, убили ханского наместника и около года успешно отражали карательные рейды хивинцев [8. С. 89, 97, 118]. Однако в этой борьбе сарыки ослабели, и в 1832–1834 гг. Мервский оазис был подчинен более сильным племенем текинцев, вскоре, в свою очередь, признавших власть Хивы и согласившихся даже принять хивинского наместника [3. С. 12–13; 7. С. 3; 8. С. 3–4, 10; 9. Р. 47, 264]. В 1846 г. бухарский эмир Насрулла подбил туркмен Мерва на очередное восстание против Хивы, но и оно было подавлено, и в течение нескольких лет мервцы находились под властью Хивы, даже прибегая к ее военной помощи против Персии [9. Р. 185; 10. С. 57; 11. Р. 10]. Зато в 1855 г. текинцам удалось разгромить войско Хивы в битве при Серахсе, причем в сражении был убит даже хивинский хан Мухаммад-Амин II. С этого времени Мерв уже не платил Хиве дань или налоги, фактически став независимым владением [5. С. 17; 6. С. 13; 11. Р. 11; 12; 13. С. 85; 14. С. 101–102].

Однако в силу политических причин (в частности чтобы противостоять попыткам захвата со стороны Персии) туркмены Мерва формально признавали власть хивинских ханов – хотя бы потому, что хивинцы, как и туркмены, придерживались суннитского варианта ислама, а не шиитского, как персы. Время от времени эта лояльность Хиве получала и материаль-

ное подтверждение – например, после победы над персами в 1860 г. текинцы передали хану Хивы пятую часть своей добычи [10. С. 9]. Впрочем, к рассматриваемому нами периоду эта зависимость была чисто номинальной. Туркменский вождь и военачальник Тыкмасардар в переговорах с русскими упоминал, что текинцы находились у хивинского хана, «хотя и фиктивно, в вассальном подчинении» [15. С. 167]. Сами хивинские ханы, ссылаясь на прежнее владычество над Мервом, также считали его частью своих владений. Британский путешественник Г. Лансделл, побывавший при дворе хана Мухаммад-Рахима II в 1882 г., вспоминал, что хан подтверждал, что даже после вмешательства русских в дела Хивы Мерв, захваченный его предшественниками 60 лет назад, до сих пор является его владением и платит ему дань [16. Р. 486].

Неудивительно, что после похода русских войск 1873 г., в результате которого Хива потерпела поражение и была вынуждена признать российский протекторат, туркмены Ахал-Теке и Мерва оказались в ситуации крайней неопределенности [17. С. 328]. Часть племен и родов решила перейти в непосредственное подданство Российской империи, другая – признать власть Персии. Однако значительное количество туркмен, населявших Ахалтекинский и Мервский оазисы, предпочли сохранить статус кво, продолжая провозглашать себя подданными хивинских монархов, которым все равно не платили налогов [8. С. 279].

В переговорах с начальником Закаспийского отдела ахалтекинцы заявляли, что «более ста лет тому назад предки хивинских ханов покорили текинцев, а как теперешний хивинский хан покорный и преданный слуга Ак-падишаха, то и текинцы, желая быть отныне верными слугами Великого Ак-падишаха, желают оставаться в прежних подвластных отношениях к хивинскому хану» [17. С. 330]. Это не могло не устроить туркестанские власти, и когда в 1875 г. хивинский хан Мухаммад-Рахим II обратился к начальнику Амударьинского отдела полковнику Н.А. Иванову с сообщением, что ахалтекинские туркмены просят прислать к ним его наместника, российский администратор одобрил его действия (тут же сообщив о них К.П. фон Кауфману), и осенью 1875 г. в Ахал-Теке появился ханский чиновник Мусамутаваля в сопровождении помощника – Ваис-Нияз-юзбаши [17. С. 332; 18. № 81. С. 196]. Любопытно, что сами текинцы тут же уведомили об этом начальника Закаспийского отдела генерал-майора Н.П. Ломакина, причем в их интерпретации именно «полковник Иванов приказал Мухаммед Рахим-хану выбрать из хивинцев одного хорошего, почетного человека и послать в Теке: хан назначил Муса Мутавайли».

Безусловно, такие действия представителя туркестанской администрации стали своего рода вызовом представителям Кавказского наместничества, однако Н.П. Ломакин в отчете своему руководителю – начальнику Кавказского горского управления – от 21 февраля 1876 г. постарался представить дело так, что контролирует ситуацию, сообщив, что посланцы хивинского хана действуют в согласии с Нур-Верды-ханом (наиболее влиятельным ахалтекинским вождем, которого за прорусские симпатии и поддерживали власти Закаспийского отдела), вместе с которым

занимается освобождением пленников из туркменского племени йомудов и возвращением их в Хиву для восстановления мира между йомудами и текинцами.

Однако в переписке с начальником Амударьинского отдела Н.П. Ломакин явно выражал беспокойство по поводу ситуации в Ахалтекинском оазисе. Как он писал Н.А. Иванову 25 февраля 1876 г., до него стали доходить слухи, что текинцы во главе с верным подданным Хивы Хан-Мамед-аталыком намереваются провозгласить своим ханом Мусу-мутаваля, который «держал себя величайшим святошей и, проводя дни и ночи в беспрестанной молитве и строгом посте, едва ли удостоил кого единым взглядом и словом, – без сомнения, с целью привлечь внимание народа и возбудить наивысшее к своей особе сочувствие и почтение». Сторонники России сообщали Н.П. Ломакину, что сам Муса в ответ на просьбы о принятии им ханского титула заявлял, что он «раб хана» и согласится стать ханом у туркмен лишь по его прямому приказанию, предложив, впрочем, своим сторонникам написать о своей просьбе хивинскому монарху и выразив готовность также направить ему письмо. Начальник Закаспийского отдела подчеркивал, что до вмешательства хивинцев в дела Ахал-Теке там наибольшей поддержкой пользовался Нур-Верды-хан – сторонник России и наиболее вероятный кандидат в старшие ханы всех туркмен оазиса [18. № 81. С. 197]. Теперь же его противники стараются расколоть единство населения и предлагают выбрать либо четырех ханов от всех племен, либо же Мусу – как компромиссного кандидата, поскольку он, будучи узбеком, не является представителем ни одного из племен; Нур-Верды-хан подливал масла в огонь, заявляя, что не допустит избрания в ханы никого, кроме себя. Соответственно, в своем послании Н.П. Ломакин прямо винил Н.А. Иванова, заявляя, что хан прислал своего ставленника к туркменам по его прямой рекомендации. А поскольку власть хивинского хана и в собственных владениях не отличается стабильностью, то его вмешательство в дела ахалтекинских туркмен лишь еще больше дестабилизирует ситуацию, и восстановить спокойствие в оазисе удастся только при прямом вмешательстве русских войск, т.е. собственно Закаспийского отдела [18. № 86. С. 208; № 90. С. 215–217].

Вероятно, начальник Амударьинского отдела понял, что зашел слишком далеко в попытках распространить свой контроль на туркмен, формально подведомственных кавказской администрации, поэтому в ответном послании Н.П. Ломакину от 19 марта 1876 г. постарался убедить его, что беспокоиться не о чем и что «дела между ахал-теке с выбором в ханы хивинца Мусы Мутавайли не улучшатся и не ухудшатся; Муса, личность бесцветная и немедленно подпадет влиянию какой-либо партии; сам он очень бедный человек и своей партии не соберет; хан хивинский деньгами его не поддерживает потому, что у самого ничего нет». Последний довод был связан с тем, что туркмены, предлагая ханский титул Мусе-мутаваля, готовы были выделить ему резиденцию в крепости Анау и 200 воинов-феррашей – при условии, что жалование им будет платить хивинский хан. Соответственно, Н.А. Иванов считал, что именно эти затраты, которые

исчислялись в 30 тыс. руб. в год (по 150 руб. на каждого ферраша), и заставят хивинского хана отказаться от намерения установить контроль над Ахал-Теке через посредство «хана» Мусы. Допуская вероятность избрания последнего в ханы, Н.А. Иванов при этом всячески подчеркивал, что в таком статусе он долго продержаться не сможет и на дела туркмен никак не повлияет. В заключение же начальник Амударьинского отдела, видимо, желая опровергнуть обвинения Н.П. Ломакина в том, что именно с его подачи возникли беспорядки Ахал-Теке, писал, что согласился на прибытие хивинского представителя в оазис исключительно с целью восстановить мир между туркменскими племенами текинцев и йомудов, освободить пленников и компенсировать потери от грабежа торговых караванов – чем, собственно, и пытался поначалу заниматься сам Муса-мутаваля вместе со своим помощником Ваис-Ниязом-юзбаши при поддержке также и местных ханов. Сюзеренитет же Хивы над ахалтекинскими туркменами – «дело очень старое и всем известное» и существовал лишь «на словах» [18. № 91. С. 219–220].

Чтобы окончательно восстановить отношения с Закаспийским отделом, Н.А. Иванов даже выразил готовность пойти на некоторые уступки в вопросе разграничения компетенций двух администраций в Восточном Прикаспии. В настоящее время, писал он Н.П. Ломакину, он опирается на инструкции, данные ему туркестанским генерал-губернатором, но «если администрация Кавказа выработала какой-либо новый путь, более рациональный к достижению этих желанных результатов, то, вероятно, Ваше превосходительство не откажите мне его сообщить». При этом, однако, он отказывался сам писать хану Хивы, чтобы тот отозвал Мусу-мутаваля и был готов «внушить» это Мухаммад-Рахиму, если тот сам обратится к нему «по этому поводу за советом». На наш взгляд, именно эта оговорка подтверждает справедливость обвинения Н.П. Ломакина в том, что Н.А. Иванов рекомендовал хану прислать своего представителя к ахалтекинским туркменам: теперь начальник Амударьинского отдела не хотел отменять своих же прежних рекомендаций [18. № 91. С. 221].

В начале апреля Муса-мутаваля вернулся обратно в Хиву – «без успеха», как отмечал А.Н. Куропаткин. Начальник Закаспийского отдела, ссылаясь на послания своих туркменских осведомителей, писал начальству в Тифлис, что незадолго перед этим текинцы разделились на три группы, одна из которых стояла за Нур-Верды-хана, другая – за Мусу, третья не признавала ни одного из претендентов на ханский трон. Поэтому отъезд Мусы должен был способствовать восстановлению спокойствия в оазисе [17. С. 332; 18. № 93. С. 222–223].

Со своей стороны начальник Амударьинского отдела 13 апреля 1876 г. писал К.П. фон Кауфману, что Муса уже 2 апреля выехал в Хиву, напоследок посоветовав своим сторонникам поддержать именно Нур-Верды-хана. В этом же послании он сообщил генерал-губернатору, что на Кавказе вырабатывается новая стратегия по выстраиванию отношений с туркменами, поэтому сам он не хочет давать никаких рекоменда-

ций хивинскому хану по ахалтекинским делам [18. № 95. С. 225–226]. Тем самым Н.А. Иванов, по сути, давал понять своему начальнику, что необходимо его личное вмешательство, чтобы более-менее четко определить полномочия кавказских и туркестанских властей в Восточном Прикаспии.

Однако такое демонстративное «самоустранение» представителя туркестанской администрации в регионе от отношений с туркменами, по-видимому, тоже не слишком устраивало Н.П. Ломакина, не желавшего брать на себя всю полноту ответственности за положение в регионе. Вероятно, именно поэтому в рапорте начальнику Кавказского горского управления от 6 мая 1876 г. он предложил рекомендовать хивинскому хану «обновить» ярлык хану Нур-Верды, которого в статусе верховного хана Ахал-Теке следует поддержать Закаспийскому и Амударьинскому отделам [18. № 97. С. 229].

Весьма любопытно, как повел себя хивинский хан Мухаммад-Рахим II, надеявшийся, что разногласия двух имперских пограничных администраций позволят ему укрепить свой сюзеренитет над ахалтекинскими туркменами. Он направил к Н.А. Иванову своего сановника Полван-Мирзу-баши с заверениями, что у него и в мыслях не было считать себя «ханом Ахала» и тем более возводить там на трон Мусу-мутаваля [18. № 102. С. 234–235]. Это сообщение немедленно было переслано в Закаспийский отдел, а оттуда – в Тифлис, и кавказские власти сделали вид, что верят заверениям хана, и предписали Н.П. Ломакину взаимодействовать с туркменами так, как было «до возникновения последних недоразумений» [18. № 110. С. 244]. Последняя точка в этой истории была поставлена 2 марта 1877 г., когда начальник Закаспийского отдела в своем рапорте начальнику Кавказского горского управления сообщил, что выдвижение Мусы в ханы было исключительно личной инициативой вышеупомянутого Хан-Мамед-аталыка, который якобы таким образом надеялся вернуть себе милость и покровительство хивинского хана [18. № 145. С. 294].

Как бы то ни было, ситуация в Ахалтекинском оазисе продолжала оставаться нестабильной, и туркмены по-прежнему оставляли себе некоторую свободу выбора, продолжая номинально признавать верховенство хивинского хана, тем самым не подчиняясь предписаниям российских властей в регионе. В результате, как известно, последовали две Ахалтекинские экспедиции – первая, неудачная, под командованием Н.П. Ломакина в 1879 г., вторая – под командованием М.Д. Скобелева, завершившаяся присоединением Ахал-Теке к России, в 1880–1881 гг. При этом даже во время второй из них, как вспоминали ее участники, на предложение сдаться туркмены отвечали, что «они подчинены Хивинскому хану и переговоры нужно вести с ним» [19. С. 156]. Неудивительно, что имперские власти сочли целесообразным не просто включить оазис в состав России, но и преобразовать его в Закаспийскую область, которая официально была передана под контроль кавказской администрации.

Правда, при этом нельзя не отметить, что такое решение относительно подведомственности Восточного Прикаспия было принято уже после ухода с политической сцены двух руководителей пограничных

администраций, при которых оно, скорее всего, не было бы реализовано. В марте 1881 г. К.П. фон Кауфман был разбит параличом из-за потрясения по поводу убийства императора Александра II и, формально продолжая считаться генерал-губернатором Туркестанского края до своей смерти в мае 1882 г., фактически не мог выполнять обязанности, которые перешли к Г.А. Колпаковскому, военному губернатору Семиреченской области, и ранее замещавшему Кауфмана во время его отсутствия в крае. Что касается вел. кн. Михаила Николаевича, то по решению нового императора Александра III он с июля 1881 г. был назначен председателем Государственного совета, соответственно, сложив с себя руководство Кавказским наместничеством, которое сразу же было упразднено, а руководство регионом перешло к «главноначальствующим гражданской частью на Кавказе» с гораздо менее широкими полномочиями.

С присоединением Ахалтекинских оазиса «туркменский вопрос» так и не был решен окончательно, и две администрации повторно вступили в конфликт по поводу Мерва, который, как уже отмечалось выше, подобно Ахал-Теке, номинально признавал власть хивинского хана, мотивируя тем самым отказ следовать исключительно в русле российской политики. Соответственно, хивинский хан Мухаммад-Рахим II в начале 1880-х гг. попытался сделать Мерв своим вассальным владением, а российские власти, столкнувшись с подобными его действиями в Ахал-Теке, тем не менее, не сделали никаких выводов и совершили, по сути, те же ошибки, что и в середине 1870-х гг.

Как и в Ахал-Теке, в Мерве проживали представители нескольких туркменских племен, имевших давние разногласия, причем доминирующее племя текинцев разделялось на ряд противоборствующих родов, предводители которых не желали признавать главенство одного из них в ущерб другим. Большое количество туркмен-текинцев тяготело к России, поскольку по итогам похода на Хиву 1873 г. русские освободили немало текинских пленников и отправили их домой [20. Р. 152; 21. Р. 236]. Наиболее выгодным для России претендентом на власть в Мерве являлся Махтум-Кули-хан, сын вышеупомянутого Нур-Верды (ставшего, кажется, единственным туркменским ханом, верховенство которого признавали и Ахал-Теке, и Мерв, но скончавшегося в 1880 г.), однако не все его поддерживали в силу его молодости, кроме того, он происходил не из мервских, а из ахалтекинских туркмен [22. С. 128]. Его главным конкурентом был Кара-Кули-хан, который пользовался большим влиянием в текинском роду тохтамыш, однако, в отличие от Махтум-Кули, не был высокого происхождения³ и, соответственно, не пользовался поддержкой туркменской знати [23. С. 63]. Поскольку Махтум-Кули был сторонником российских властей, Кара-Кули решил сделать ставку на поддержку Хивы⁴.

Ему удалось убедить предводителей текинских родов отамыш и тохтамыш, а также племени сарыков послать в августе 1881 г. представительную делегацию из 24 человек в Хиву с просьбой прислать к ним «справедливого начальника, знающего все правила мусульманской религии и шариата» [22. С. 125; 24. С. 97–98].

Вероятно, Мухаммад-Рахим II все же испытывал некоторые сомнения по поводу целесообразности отправки наместника в Мерв. А еще больше эта идея не нравилась его приближенным, которые один за другим отклоняли предложение монарха отправиться к вольнолюбивым и воинственным туркменам. Наконец, выбор пал на некоего Юсуф-бая, который сам рассказал об обстоятельствах своего назначения русскому инженеру П.М. Лессару, побывавшему в Мерве в августе 1882 г.: «Все отказывались ехать, я так же, как и другие. Но хан стал уговаривать; говорит, ты старый человек, убьют, так и не жаль. Я и поехал» [23. С. 63].

Любопытно отметить, что инициаторы приглашения хивинского наместника старались показать, что их действия не носят антироссийского характера. В состав делегации, отправившейся в Хиву, был включен русский артиллерист Кидяев, находившийся в то время в Мерве в плену [24. С. 97]⁵. А когда Юсуф-бай осенью 1881 г. прибыл в Мерв, Кара-Кули-хан стал уверять, что он приехал с одобрения российских властей, что поначалу обеспечило ему признание со стороны туркмен. Однако когда Юсуф-бай под нажимом Кара-Кули-хана попытался ввести в Мерве налог с урожая в размере 10%, туркмены просто-напросто стали его игнорировать. Более того, пожаловавшись на его действия администрации Закаспийской области, они выяснили, что с имперскими властями его кандидатуру никто не согласовывал [20. Р. 64; 21. № 2. С. 211; 22. С. 157].

Воспользовавшись ситуацией, еще один туркменский предводитель – Майлы-хан из рода отамыш обратился к закаспийским властям, чтобы они отозвали Юсуфа и назначили старшим ханом Мерва его самого, однако администрация Ашхабада на это не пошла. Во-первых, Майлы-хан не обладал значительным влиянием, и его поддержка российскими властями могла повлечь ослабление влияния империи в оазисе, поэтому ему было предложено добиться официального избрания и после этого прибегнуть к российскому покровительству [23. С. 65]. Во-вторых, обращаться к хану Хивы с требованием отозвать Юсуф-бая закаспийские власти также не могли – ведь контакты с Хивинским ханством находились в ведении начальника Амударьинского отдела, подчинявшегося не кавказским, а туркестанским властям⁶, и в условиях снижения статуса руководства кавказской администрации губернатор Закаспийской области не рисковал выходить за рамки своих четко определенных полномочий.

В октябре 1882 г. Юсуф-бай скончался [23. С. 66; 25. С. 160] (ср.: [24. С. 98]), и, казалось бы, проблема была решена, поскольку главном начальствующий на Кавказе кн. А.М. Дондуков-Корсаков снесся по поводу ситуации в Мерве с новым туркестанским генерал-губернатором М.Г. Черняевым, который написал хану Мухаммад-Рахиму II, чтобы тот не присылал больше своих наместников в Мерв [25. С. 161]. Однако, несмотря на такое четкое и прямое распоряжение, хивинский монарх в ноябре того же года направил в оазис нового наместника Абдурахман-бия, который, как и его предшественник, мог осуществлять свои полномочия лишь при поддержке Кара-Кули-хана и к тому же

постарался привлечь на свою сторону местную знать денежными раздачами [24. С. 99; 25. С. 162, 165]. По прибытии в Мерв новый наместник тут же направил в Ашхабад копию ханского ярлыка о назначении его на должность. Этот документ был составлен весьма корректно, не давая, по сути, российской администрации никаких поводов для обвинения хана Хивы в превышении полномочий: Мухаммад-Рахим II в нем ссылался как на просьбу самих мервцев о присылке хивинского наместника, так и на свою дружбу с Россией. В результате военный губернатор Закаспийской области генерал-лейтенант П.Ф. Рерберг проявил нерешительность и лишь просил своего начальника кн. Дондукова-Корсакова «настоять, чтобы хивинский хан отозвал Рахман-бека». Даже тому факту, что хивинский хан практически проигнорировал указание туркестанского генерал-губернатора, П.Ф. Рерберг постарался найти оправдание: по его мнению, Мухаммад-Рахим II отправил наместника в Мерв до получения послания М.Г. Черняева [25. С. 164–165].

Увидев нерешительность российских властей, Абдурахман-бий и Кара-Кули-хан активизировали свою деятельность, начав собирать налоги (тот же десятипроцентный сбор с урожая под названием «ушур-заякт», который пытался собирать и Юсуф-бай, а также торговый налог «бадж») и усилив роль шариатского суда казия в ущерб традиционному кочевому суду туркмен [24. С. 98]. Это вызвало недовольство местного населения, и Абдурахману в начале 1883 г. пришлось срочно вернуться в Хиву, спасая свою жизнь. Тем не менее его краткое пребывание в оазисе повлияло на политическую ситуацию: столкнувшись со столь пассивной позицией имперской администрации, даже пророссийски настроенные туркмены перестали активно поддерживать политику имперских властей в регионе.

Кроме того, этот эпизод показал туркестанскому генерал-губернатору М.Г. Черняеву, насколько нерешительно действует в Мерве администрация Закаспийской области, и он решил расширить собственное влияние в оазисе. Именно поэтому уже в конце 1882 г. он пересмотрел свою позицию по поводу хивинских наместников в Мерве и стал настоятельно рекомендовать туркменам признать власть Хивы, поскольку через нее надеялся контролировать Мерв⁷. Вероятно, сам того не осознавая, в этом отношении он продолжил политику своего предшественника К.П. фона Кауфмана, хотя, имея к нему личную неприязнь, обычно старался отменять и переименовывать все его решения. Узнав о такой радикальной перемене его позиции, Кара-Кули-хан в апреле 1883 г. отправился в Петро-Александровск, где в то время находился М.Г. Черняев, и попросил у него одобрения на присылку в Мерв еще одного хивинского наместника, каковое ему и было дано [18. № 373. С. 675; 22. С. 127; 24. № 2. С. 215].

В результате в мае 1883 г. в Мерве появился уже третий по счету представитель хана Хивы, который в разных источниках фигурирует как Атаджан-бий либо Бабаджан-бий. Апеллируя к поддержке туркестанских властей, он гораздо более решительно, чем его предшественники стал проводить политику подчинения

Хиве Мерва, который рассматривал как часть Хивинского ханства и в котором, соответственно, должны были действовать принятые в Хиве принципы и институты управления, правоотношения, налоги, сборы и пр. [24. С. 138; № 3. С. 215]. Многие ханы и родоплеменные вожди даже отказались знакомиться с наместником, большинство населения Мерва игнорировало его требования об уплате налогов [13. С. 108]. Согласно рапорту начальника Закаспийской области генерал-лейтенанта А.В. Комарова кн. Дондукову-Корсакову от 7 февраля 1884 г., действия хивинского сановника восставили против него даже родственников самого Кара-Кули-хана, в результате чего сторонников у него поубавилось вдвое [24. № 3. С. 216].

Между тем Кара-Кули-хан, которого французский путешественник Б. Мешэн, побывавший в Мерве в 1883 г., характеризовал как самого могущественного человека в оазисе, продолжал изыскивать разные пути для укрепления своего влияния. Ради этого он готов был пойти на сотрудничество не только с русскими и хивинскими властями, но и их противниками – англичанами и персами, о чем доверительно советовался, в частности, с тем же бароном Мешэном (который, по его же словам, постарался его убедить, что раз уж он получил поддержку туркестанских властей, следует продолжать сотрудничать с ними) [22. С. 128]. Такая политическая неразборчивость Кара-Кули-хана давала немало оснований противникам обвинять его перед российскими властями в союзе с иностранными врагами России и получении денег от англичан, в поддержке радикального мусульманского движения среди туркмен (естественно, враждебно настроенного в отношении «неверных» русских) и даже в том, что он «проедает» жалование своего же соратника Бабаджан-бия [13. С. 104; 24. № 3. С. 218].

В результате в Мерве сложилось крайне противоречивое положение: официально находясь в сфере влияния Кавказа (через подчиненную ему Закаспийскую область), он управлялся наместником, которого назначил хан Хивы, контролировавшийся властями Туркестанского края. При этом местные родоплеменные предводители, как оказалось, проводили политику, идущую вразрез с интересами России, что влекло опасность перехода Мерва под контроль Персии либо даже Британской империи. Как и в Ахал-Теке, из-за противоречий региональных имперских властей ситуация зашла в тупик, и только решительные меры могли позволить найти выход из него. Правда, на этот раз России не пришлось начинать боевые действия: Мерв в 1884 г. вошел в ее состав мирным путем, на основании решения, принятого съездом туркменских племен, – «генгеша».

Любопытно, что даже на этой завершающей стадии вхождения Туркмении в состав Российской империи противники России пытались сыграть на противоречиях между кавказской и туркестанской администрациями. Поскольку процесс присоединения Мерва к России был инициирован Кавказом, они решили апеллировать к туркестанским властям, надеясь, что они, как и прежде, не позволят «конкуренту» расширить свое влияние в регионе. М. Алиханов-Аварский, кавказский военный чиновник, зимой 1883/84 г. осуществивший дипломатическую поездку в Мерв для

обсуждения предварительных условий его вхождения в состав России, вспоминал о своей встрече с «правителем Мерва» Атаджан(Бабаджан)-бием, которого встретил в ауле Кара-Кули-хана и поинтересовался, кто он такой:

«— Я хаким (правитель) Мерва, — отвечал сам Атаджан, — назначенный хивинским ханом и утвержденный русскими.

— Откуда же взялось у хивинского хана право назначать правителя в Мерв, и что значит выражение: “утвержденный русскими”?»

В ответ на это хививец достал из лежавшей недалеко от него шкатулки бумагу, развернул ее и, передавая мне, произнес лаконически: “Прочти”.

Бумага эта меня поразила. На первой ее странице было написано на джагатайском языке, что, “склоняясь на поступившую во мне просьбу всего Мервского народа, и в видах водворения в этой стране спокойствия и порядка, я, повелитель Хивы, Магомед-Рагим-хан, назначаю хакимом Мерва испытанного сановника моего, Атаджан-бая, в уверенности, что Мервский народ последует его разумным указаниям”, и т.д. На следующей странице русский текст, за печатью и подписью тогдашнего туркестанского генерал-губернатора, генерал-лейтенанта Черняева, гласил кратко: “Одобряю выбор его светлости, хивинского хана, и утверждаю Атаджан-бая правителем Мерва”» [13. С. 106–107] (см. также: [24. № 3. С. 218]).

И в то время, когда туркменская знать собралась на генеш для обсуждения предложенных М. Алихановым условий, Атаджан-бий и Кара-Кули-хан попытались провести собственный съезд, на котором должны были принять решение не признавать российского подданства. «Но эти господа ошиблись в своих ожиданиях, — пишет Алиханов. — На их призыв отозвалось только десятка три их сторонников, и результат ограничился несколькими съеденными баранами» [13. С. 117–118]. Тем не менее, ссылаясь на утверждение его М.Г. Черняевым, хивинский наместник продолжал оставаться в Мерве, поскольку даже на особом совещании в Петербурге еще в августе 1883 г. высказывалось мнение, «что немедленное отозвание Бабаджан-бека из Мерва могло бы умалить значение туркестанского генерал-губернатора в глазах среднеазиатских населений», хотя и признавалось, что он находится в крайне невыгодном положении и вскоре «без всякого сомнения, Бабаджан-бек или вы-

нужден будет покинуть Мургабский оазис, или же будет убит текинцами» [18. № 373. С. 678]. Он вместе с Кара-Кули-ханом покинул оазис непосредственно перед его присоединением его к России [13. С. 445].

Ситуация с Мервом, имеющая немало сходств с ситуацией с Ахал-Теке, тем не менее, имела и существенные отличия от нее. Как можно увидеть, снижение статуса главных начальников Кавказа и Туркестана существенно повлияло на политику, проводимую по отношению к Мервскому оазису местными представителями обеих администраций. Военные губернаторы вновь созданной Закаспийской области вели себя довольно нерешительно, поскольку не знали, в какой степени их непосредственный руководитель, главноначальствующий гражданской частью на Кавказе, сможет уладить проблемы с туркестанским генерал-губернатором. Начальники же Амударьинского отдела вообще устранились от связей с Мервом: как мы видели, ими напрямую занялся новый глава Туркестанского края М.Г. Черняев, отличавшийся экстравагантностью и противоречивостью решений. В результате туркмены не знали, с кем им взаимодействовать, это побуждало их обращаться к «третьей стороне» в лице Хивы, Персии и даже Англии, что прямо противоречило интересам России в регионе [29. С. 298–299].

Подводя итоги исследования, можно сделать вывод, что руководители пограничных администраций Российской империи — Кавказа и Туркестана — в своих политических действиях в Средней Азии (и в частности в Туркмении) исходили из собственных амбиций и стремились утвердить свое первенство в установлении контроля над теми или иными регионами, что находило прямое отражение и в деятельности их представителей — начальников Амударьинского и Закаспийского отделов. Несогласованные, а порой и прямо противоречащие друг другу решения пограничных властей в отношении туркмен привели к ослаблению контроля России над туркменскими оазисами в целом, побудили туркмен искать покровительства у соседних государств. В результате, чтобы исправить сложившуюся ситуацию, российским властям не оставалось ничего другого, как напрямую присоединить Ахал-Теке и Мерв к империи, при этом официально подчинив вновь образованную на их территории Закаспийскую область Кавказу — во избежание дальнейших противоречий кавказской и туркестанской администрации в этом регионе.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Особенность ряда привлекаемых в рамках исследования заключается в том, что их авторы являлись одновременно и участниками событий, и их историками — как, например, М.А. Терентьев или А.Н. Куропаткин, который принимал участие в «туркестанских походах», в том числе и в боевых действиях в Туркмении, готовил аналитические материалы о регионе как офицер Главного штаба, а впоследствии опубликовал также ряд научно-исследовательских работ. Таким образом, сочинения таких авторов могут одновременно считаться и источниками и исследовательскими трудами.

² Следует отметить, впрочем, что участие руководителей кавказской администрации в российском продвижении в Среднюю Азию началось задолго до наместничества вел. кн. Михаила Николаевича: уже А.П. Ермолов на рубеже 1810–1820-х гг. отправлял в Туркмению и Хиву дипломатические миссии и научные экспедиции, а кн. А.И. Барятинский в конце 1850-х гг. предлагал целую программу по присоединению Туркмении к России силами Кавказского наместничества.

³ Как неоднократно подчеркивали российские исследователи традиционного социально-политического устройства туркмен, их ханы вовсе не были монархами, и принять этот титул мог любой деятель, пользующийся влиянием вне зависимости от своего происхождения и материального положения. Но и власти над другими туркменами у таких ханов, как правило, не было.

⁴ В результате в историографии получило распространение мнение о том, что Кара-Кули-хан проводил антироссийскую политику в Мерве, однако, как обоснованно отмечал М.Н. Тихомиров, он всего лишь старался противостоять своему сопернику Махтум-Кули [24. С. 99]. Кроме того, он также прибегал к поддержке российской администрации.

⁵ История Кидяева (его имя в источниках не упоминается) весьма любопытна: рядовой артиллерист (канонир), он попал в плен к туркменам во время Хивинского похода 1873 г. и, чтобы избежать жестокого обращения, выдал себя за офицера и генеральского сына. Однако в ре-

зультате, когда русские власти начали переговоры с туркменами о его освобождении, его хозяин затребовал за него выкуп в 8 тыс. туманов (24 тыс. руб.), который, конечно, не был выплачен. В результате Кидяева постоянно подвергали разного рода мучениям, чтобы он писал письма о присылке выкупа, а затем он был перепродан другому владельцу. Соответственно, хотя российские власти и отслеживали его судьбу, но и в начале 1880-х гг. он по-прежнему оставался пленником в Мерве [26. С. 110; 27. С. 99, 106–108].

⁶ В связи с этим власти Кавказа неоднократно поднимали вопрос о переподчинении им Амударьинского отдела, однако поскольку в Главном штабе и Военном министерстве в целом преобладали «туркестанцы», это предложение постоянно отклонялось [18. № 373. С. 675].

⁷ Действия М.Г. Черняева дали повод английским дипломатам обвинить Россию во вмешательстве в дела Мерва, который номинально признавался независимым владением по итогам ранее заключенных русско-английских соглашений [28. № 2. С. 47] (см. также: [24. С. 99–100]).

ЛИТЕРАТУРА

1. Аминов И.И. Организационно-правовые особенности управления в Закаспийской области Российской империи // *Lex Rossica*. 2017. № 11 (132). С. 139–152.
2. Васильев Д.В. Цели и задачи Российской империи в Закаспийском крае при создании новой системы управления // *Центральная Азия на перекрестке европейских и азиатских политических интересов: XVIII–XIX вв.* : сб. науч. тр. междунар. семинара. Алма-Ата, 19–23 августа 2019 г. / науч. ред. Д.В. Васильев. М. : ОнтоПринт, 2019. С. 282–290.
3. Васильев Д.В. Дуализм российской администрации на восточном берегу Каспийского моря // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*. 2020. Т. 65, вып. 1. С. 85–107.
4. Брегель Ю.Э. Хорезмские туркмены в XIX в. М. : Изд-во восточ. лит., 1961.
5. [Сполатбог Н.Н.] Покорение Ахал-Теке (из записок полковника Сполатбога). Тифлис : Б.и., 1884.
6. Алиханов М. Мервский оазис и дороги ведущие к нему. СПб. : Типография и хромолитография А. Траншеля, 1883.
7. Жуковский В.А. Древности Закаспийского края. Развалины Старого Мерва. СПб. : Типография Главного управления уделов, 1894.
8. Попович-Липовач И. Ахал-Текинцы // *Русский вестник*. 1882. № 3. С. 278–299.
9. Wood W.A. The Sariq Turkmens of Merv and the Khanate of Khiva in the early Nineteenth century : Ph. D. Diss. Bloomington : Indiana University, 1998.
10. Сапаров М. «Дженг-е-Мерв» как персидский источник по изучению истории Южного Туркменистана середины XIX в. Ашхабад : Ылым, 1990.
11. Eptome of Correspondence relating to Merv, with Historical and Geographical Accounts of the Place and Itineraries. Calcutta : India Office, 1875.
12. Marvin Ch. Merv, the Queen of the World and the Scourge of the Man-Stealing Turcomans. London : W.H. Allen & Co., 1881.
13. Алиханов-Аварский М. Закаспийские воспоминания. 1881–1885 // *Вестник Европы*. Т. CCXXIX. 1904. Т. V, № 9. С. 73–125.
14. [Григорьев В.В.] О некоторых событиях в Бухаре, Хоканде и Кашгаре. Записки Мирзы-Шемса Бухари // *Ученые записки Императорского Казанского университета*. 1861. Кн. I. С. 1–169.
15. Туган-Мирза-Барановский В.А. Русские в Ахал-Теке. СПб. : Типография В.В. Комарова, 1881.
16. Lansdell H. Russian Central Asia. New York : Arno Press, 1885. Vol. II.
17. Куропаткин А. Туркмены и туркмены. СПб. : Типография В.А. Политики, 1879.
18. Присоединение Туркмении к России (сборник архивных документов) / под ред. А. Ильясова. Ашхабад : Изд-во Академии наук Туркменской ССР, 1960.
19. [Щербак А.В.] Ахал-Тэкинская экспедиция генерала Скобелева в 1880–1881 гг. Из воспоминаний д-ра А.В. Щербака. СПб. : Типография В.В. Комарова, 1884.
20. Horak S. The Battle of Gökdepe in the Turkmen post-Soviet historical discourse // *Central Asian Survey*. Vol. 34, № 2. 2015. P. 149–161.
21. Marvin Ch. The Russians at Merv and Herat, and their Power of Invading India. London : W.H. Allen & Co., 1883.
22. [Мешэн Б.] Записка барона Бенуа Мешэн о мервских туркменах 1883 г. // *Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии*. СПб. : Военная типография, 1883. Вып. VI. С. 122–131.
23. Лессар П.М. Мервские ханы. Положение Мерва и Атека в конце 1882 г. // *Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии*. СПб. : Военная типография, 1883. Вып. VI. С. 62–82.
24. Тихомиров М.Н. Присоединение Мерва к России. М. : Изд-во иностранной литературы, 1960.
25. А.С. [Семенов А.А.] Очерки из истории присоединения вольной Туркмении (1881–1885 гг.). По архивным данным // *Туркестанский сборник*. Ташкент : Б.и., [1907]. Т. 506. С. 133–167.
26. Лессар П.М. О’Донован – хан мервский // *Туркестанский сборник*. СПб. : Б.и., 1883. Т. 359. С. 105–115.
27. Плен у текинцев // *Туркестанский сборник*. СПб. : Б.и., [1880]. Т. 277. С. 99–108.
28. Афганское разграничение. Переговоры между Россией и Великобританией. СПб. : Типография А.С. Суворина, 1886.
29. Васильев С.Д. Британское влияние на политику шахского правительства в отношении туркменских племен. Превращение Ирана в театр политического противостояния России и Великобритании // *Центральная Азия на перекрестке европейских и азиатских политических интересов: XVIII–XIX вв.* : сб. науч. тр. междунар. семинара. Алма-Ата, 19–23 августа 2019 г. / науч. ред. Д.В. Васильев. М. : ОнтоПринт, 2019. С. 290–300.

Статья представлена научной редакцией «История» 9 июня 2021 г.

Turkmens of Akhal-Teke and Merv Within the Context or Relations Between Frontier Administrations of the Russian Empire (1870s–1880s)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 470, 171–179.

DOI: 10.17223/15617793/470/20

Roman Yu. Pochekaev, Higher School of Economics, St. Petersburg Branch (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: rpochekaev@hse.ru

Keywords: Russian Empire; Central Asia’s accession to Russia; Turkmenistan; Khanate of Khiva; protectorate; regional administration.

The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 19-18-00162.

The article analyzes specific features in relations of Russian imperial frontier regions that participated in the conquest of Central Asia. By the example of the conflict of the authorities of Caucasus and Turkestan towards Turkmen tribes of the Eastern Caspian region in the 1870s–1880s, the author clarified the influence of such conflicts on the effectiveness of the Russian imperial policy in Central Asia. The sources the author used are correspondence of Caucasian and Turkestan authorities and their representatives in Turkmenistan, notes of contemporaries – Russian officials who visited Turkmen Akhal-Teke and Merv oases during the analyzed

period, and works of Russian and British analytics who observed the situation in the Eastern Caspian region. In 1873 the Russian Empire established protectorate over the Khanate of Khiva and took control over Turkmen tribes of Akhal-Teke and Merv. These territories were in the sphere of influence of two regional administrations – Caucasus and Turkestan. Since their powers in Turkmenistan were not clearly distributed, Caucasian deputy Grand Prince Mikhail Nikolaevich and Turkestan Governor-General K.P. Von Kaufman both tried to strengthen their positions over Turkmen oases, and a conflict between them began. Turkmen and Khivan ruling elites tried to use this conflict to achieve their own goals, and, as a result, the Khanate of Khiva (a protectorate of Russia) established its own suzerainty over Turkmen who were independent de jure: over Akhal-Teke in the mid-1870s and over Merv at the beginning of the 1880s, and sent their deputies there. The presence of a Khivan deputy in Akhal-Teke was a personal initiative of the khan of Khiva and was disapproved by both Russian regional authorities. Similar actions of Khiva towards Merv the khan were approved by Turkestan administration: they believed that they could strengthen their own control over Turkmen through their vassal. As a result, Khivan deputies in Merv with credential letters from Turkestan administration realized the policy which contradicted the plans of Russian authorities in the region. As it became clear for Turkestan, its administration requested the khan of Khiva to recall his deputies from Merv. However, the new Governor-General M.G. Chernyaev soon approved the continuation of this practice and began a new stage of conflict with Caucasian administration. That caused a substantial decrease of Russian influence in Turkmenistan. The author finds that the reasons of the conflict were connected with the uncertainty of the powers of regional imperial authorities in Central Asia, as well as with personal ambitions of regional administrators who intended to play the key role in this policy. Only the central imperial authorities' interference in the situation along with the simultaneous resignation of regional administrators with discretionary power and claims to leadership allowed regulating the relations in the region.

REFERENCES

1. Aminov, I.I. (2017) Organizatsionno-pravovye osobennosti upravleniya v Zakaspiyskoy oblasti Rossiyskoy imperii [Legal management features in the Trans-Caspian Region of the Russian Empire]. *Lex Rossica*. 11. pp. 139–152.
2. Vasil'ev, D.V. (2019) [Goals and objectives of the Russian Empire in the Trans-Caspian Region during the organizing of the new system of administration]. *Tsentrāl'naya Aziya na perekrestke evropeyskikh i aziatskikh politicheskikh interesov: XVIII–XIX vv.* [Central Asia on the crossroads of European and Asian interests: 18th–19th cc.]. Proceedings of the International Seminar. Almaty. 19–23 August 2019. Moscow: OntoPrint. pp. 282–290. (In Russian).
3. Vasil'ev, D.V. (2020) Dualizm rossiyskoy administratsii na vostochnom beregu Kaspiyskogo morya [The Dualism of the Russian Administration on the Eastern Caspian Coast]. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. 65 (1). pp. 85–107.
4. Bregel', Yu.E. (1961) *Khorezmskie turkmeny v XIX v.* [Turkmen of Khorezm in the 19th c.]. Moscow: Vostochnaya literatura.
5. Spolabog, N.N. (1884) *Pokorenie Akhal-Teke (iz zapisok polkovnika Spolaboga)* [Subjugation of Akhal-Teke (From notes of Colonel Spolabog)]. Tiflis.
6. Alikhanov, M. (1883) *Mervskiy oazis i dorogi vedushchie k nemu* [Merv oasis and ways to it]. St. Petersburg: A. Transhel.
7. Zhukovsky, V.A. (1894) *Drevnosti Zakaspiyskogo kraia. Razvaliny Starogo Merva* [Antiquities of the Trans-Caspian region. The ruins of Old Merv]. St. Petersburg: Central Administration of Appanages.
8. Popovich-Lipovats, I. (1882) Akhal-Tekintsy [Akhal-Teke Turkmen]. *Russkiy vestnik*. 3. pp. 278–299.
9. Wood, W.A. (1998) *The Sarii Turkmen of Merv and the Khanate of Khiva in the early Nineteenth century*. Ph.D. Diss. Bloomington: Indiana University.
10. Saparov, M. (1990) “Dzheng-e-Merv” kak persidskiy istochnik po izucheniyu istorii Yuzhnogo Turkmenistana serediny XIX v. [“Dzheng-e-Merv” as a Persian source on the study of the history of Southern Turkmenistan of the mid 19th c.]. Ashkhabad: Ylym.
11. Anon. (1875) *Epitome of Correspondence relating to Merv, with Historical and Geographical Accounts of the Place and Itineraries*. Calcutta: India Office.
12. Marvin, C. (1881) *Merv, the Queen of the World and the Scourge of the Man-Stealing Turcomans*. London: W.H. Allen & Co.
13. Alikhanov-Avarskiy, M. (1904) Zakaspiyskie vospominaniya. 1881–1885 [Trans-Caspian memoirs, 1881–1885]. *Vestnik Evropy*. 229:V (9). pp. 73–125.
14. Grigor'ev, V.V. (1861) O nekotorykh sobytiyakh v Bukhare, Khokande i Kashgare. Zapiski Mirzy-Shemsa Bukhari [On some events in Bukhara, Khoqand and Kashgar. Notes by Mirza Shems Bukhari]. *Uchenye zapiski Imperatorskogo Kazanskogo universiteta*. 1. pp. 1–169.
15. Tugan-Mirza-Baranovskiy, V.A. (1881) *Russkie v Akhal-Teke* [Russians in Akhal-Teke]. St. Petersburg: V.V. Komarov.
16. Lansdell, H. (1885) *Russian Central Asia*. Vol. II. New York: Arno Press.
17. Kuropatkin, A. (1879) *Turkmeniya i turkmeny* [Turkmenistan and Turkmen]. St. Petersburg: V.A. Politika.
18. Il'yasov, A. (ed.) (1960) *Prisoedinenie Turkmenii k Rossii (sbornik arkhivnykh dokumentov)* [Turkmenistan's Accession to Russia (Collection of archival documents)]. Ashkhabad: Academy of Science of Turkmen SSR.
19. Shcherbak, A.V. (1884) *Akhal-Tekinskaya ekspeditsiya generala Skobeleva v 1880–1881 gg. Iz vospominaniy d-ra A. V. Shcherbaka* [General Skobelev's Expedition to Akhal-Teke in 1880–1881. From Memoirs of Dr. A.V. Scherbak]. St. Petersburg: V.V. Komarov.
20. Horak, S. (2015) The Battle of Gökdepe in the Turkmen post-Soviet historical discourse. *Central Asian Survey*. 34 (2). pp. 149–161.
21. Marvin, C. (1883) *The Russians at Merv and Herat, and their Power of Invading India*. London: W.H. Allen & Co.
22. Meshen, B. (1883) Zapiska barona Benua Meshen o mervskikh turkmenakh 1883 g. [Notice of Baron Benois Mechen on Merv Turkmen of 1883]. In: *Sbornik geograficheskikh, topograficheskikh i statisticheskikh materialov po Azii* [Collection of geographical, topographic and statistical information on Asia]. Vol. 6. St. Petersburg: Voennoe izdatel'stvo. pp. 122–131.
23. Lessar, P.M. (1883) Mervskie khany. Polozhenie Merva i Ateka v kontse 1882 g. [Khans of Merv. State of Merv and Atek at the end of 1882]. In: *Sbornik geograficheskikh, topograficheskikh i statisticheskikh materialov po Azii* [Collection of geographical, topographic and statistical information on Asia]. Vol. 6. St. Petersburg: Military Press. pp. 62–82.
24. Tikhomirov, M.N. (1960) *Prisoedinenie Merva k Rossii* [Joining Merv to Russia]. Moscow: Publishing house of foreign literature.
25. A.S. [Semyonov, A.A.] (1907) Ocherki iz istorii prisoedineniya vol'noy Turkmenii (1881–1885 gg.). Po arkhivnym dannym [Essays on the history of free Turkmenistan's accession (1881–1885). Based on archival data]. In: *Turkestanskiy sbornik* [Turkestan Collection]. Vol. 506. Tashkent. pp. 133–167.
26. Lessar, P.M. (1883) O'Donovan – khan mervskiy [O'Donovan, a khan of Merv]. In: *Turkestanskiy sbornik* [Turkestan Collection]. Vol. 359. St. Petersburg. pp. 105–115.
27. Anon. (1880) Plen u tekintsev [In the captivity of Teke Turkmen]. In: *Turkestanskiy sbornik* [Turkestan Collection]. Vol. 277. St. Petersburg. pp. 99–108.
28. Anon. (1886) *Afganskoe razgranichenie. Peregovory mezhdru Rossiei i Velikobritaniy* [Afghan delimitation. Negotiations between Russia and Great Britain]. St. Petersburg: A.S. Suvarin.
29. Vasil'ev, S.D. (2019) [British influence on the policy of the Shah's government towards the Turkmen tribes. Transformation of Iran into the theater of political confrontation of Russia and Great Britain]. *Tsentrāl'naya Aziya na perekrestke evropeyskikh i aziatskikh politicheskikh interesov: XVIII–XIX vv.* [Central Asia on the crossroads of European and Asian interests: 18th–19th cc.]. Proceedings of the International Seminar. Almaty. 19–23 August 2019. Moscow: OntoPrint. pp. 290–300. (In Russian).

Received: 09 June 2021